

УДК 328:316.772.5

*Макшакова А.С.***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДИА-
КОНВЕРГЕНЦИИ И ПРОЦЕССОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СОЦИАЛЬНОМ И
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ****Макшакова Анастасия Сергеевна, аспирант**Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
ул. С. Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620990, Россия*E-mail: a.makshakova@inbox.ru***Аннотация**

В статье рассматривается проблема взаимодействия медиаконвергенции и процессов политической коммуникации. Формулируется предположение о том, что появление новых форм политической коммуникации обусловлено в большей степени социальным, а не технологическим контекстом. Для обоснования данного утверждения автор акцентирует внимание на основных проблемах адаптации государства к сложившимся условиям, выявляет трудности социального характера, которые препятствуют переводу государственных услуг в электронный формат.

Ключевые слова: Интернет; медиаконвергенция; новые информационные технологии; виртуальное сообщество; политическая коммуникация; электронное правительство.

*Makshakova A.S.***THE INTERACTION OF MEDIA
CONVERGENCE AND THE PROCESSES
OF POLITICAL COMMUNICATION IN
THE SOCIAL AND TECHNOLOGICAL
DIMENSIONS****Makshakova Anastasia Sergeevna, PhD Student**The Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Science, 16 Sofia
Kovalevskaya Ave., Yekaterinburg, 620990, Russia*E-mail: a.makshakova@inbox.ru***АБСТРАКТ**

The article deals with the problem of the interaction of media convergence and the processes of political communication. The author argues that the new forms of political communication were created by the social context instead of the technological context. The article considers the main problems of the adaptation of the state to the modern conditions. Besides, there are social problems which prevent the transfer of the public services into electronic format.

Keywords: the Internet; media convergence; the new information technologies; the virtual community; the political communication; e-government.

Введение. Наблюдаемые в мировом масштабе институциональные, организационные перемены вызваны социальными и технологическими аспектами, которые составляют концептуальную основу медиаконвергенции. Являясь результатом информационно-технологической революции, данный феномен выступает одним из факторов, ведущим к воплощению разнообразных форм социальности во всех сферах общественной жизни. Немаловажное место занимает медиаконвергенция в политической сфере. В связи с этим, считаем целесообразным обратиться к их взаимодействию в социальном и технологическом измерениях. При этом мы исходим из положения о существовании тесной взаимосвязи между двумя видами обозначенных измерений, которая выражается в следующем: благоприятствуют созданию технологий специфические социальные условия, после чего следует наращивание технологической мощи и одновременно с этим возникновение социальных эффектов. Следовательно, происходящие в настоящий момент преобразования в мире политического, имеющие отношение к появлению новых каналов для передачи информации, не детерминируются исключительно технологическим контекстом. Так как в достаточной степени влияние оказывают социальные эффекты, способные затруднять, либо облегчать реализацию политическими институтами имеющегося технологического потенциала.

Анализ актуальных исследований. Проблему медиаконвергенции впервые начали рассматривать на Западе. Анализ зарубежной литературы показал, что в 1960-1970 годах в связи с интенсивным продвижением компьютерной индустрии и информационных сетей на массовый рынок понятие «медиаконвергенция» стало приобретать новые смыслы, которые не были связаны с ранее существовавшими определениями применительно к химии, биологии и пр. Оно начинает ассоциироваться с новыми достижениями в области передачи данных и «оцифровкой» информации.

Первым, кто предвидел в начале 1960 годов эволюцию медиа в результате появления новых цифровых технологий, стал канадский исследователь теории коммуникации

М. Маклюэн. Он получил известность благодаря двум своим работам – «Галактика Гуттенберга» (1962) [8] и «Понимание медиа» (1964) [9]. Размышляя о новом электрическом структурировании мира, М. Маклюэн ведущую роль отдает технологиям, которые позволяют: расширять человеческие органы чувств, реконфигурировать сознание; переводить вещи в любой формат, создавать повсюду центры. Отсюда – сжимание нашей планеты до размеров «глобальной деревни». Для описания подобных социокультурных преобразований использовалось понятие «implosion», что значит нивелирование дистанционных границ между явлениями; наращивание всеобщей интеграции, охватывающей раннее обособленные друг от друга области. Несмотря на приверженность позиции технологического детерминизма, М. Маклюэн стал первым, кто обратил внимание на тенденцию к однородности электронного мира в результате конвергенции различных средств коммуникаций, способных оказать решающую роль в формировании человеческих отношений.

Результаты изучения рассматриваемого нами феномена излагаются в книге американского политолога Итиэля де Сола Пула «Технология свободы» (1983) [6]. Примечательно, что размышления автора находятся вне рамок «технологического детерминизма», как это наблюдается в предыдущем подходе: «Простые версии технологического детерминизма не принимают во внимание различия в способах, в соответствии с которыми то или иное явление возникает на разных этапах жизненного цикла технологии. <...> технологическое воплощение становится просто особым случаем» [6, с. 5]. Более того, мыслитель предпринимает попытку в целенаправленном изучении взаимодействия медиаконвергенции с традиционными медиа, результатом которого является переводение последних в электронный формат. Таким образом, И. де Сола Пул вводит понятие «конвергенция типов», под которыми понимается «процесс размывания границ между «двусторонним типом связи», такими как почта, телефон, телеграф и средствами массовой коммуникации, такими как пресса, радио, телевидение. Средства связи – будь то прово-

да, кабели и радио-, телевизионные каналы – могут осуществлять услуги радио- и теле-вещания, хотя в прошлом использовались по отдельности. Наоборот, услуги связи, которые раньше были предоставлены с помощью любого средства коммуникации – будь то вещание, пресса, или телефония – теперь могут быть представлены посредством нескольких различных способов» [6, с. 23].

Следующий фундаментальный подход принадлежит социологу М. Кастельсу. Всесторонне анализируя особенности электронной системы коммуникации, он приходит к выводу о невозможности данной системы быть единственным источником видоизменения человеческой деятельности. Поскольку, вступая в непосредственное взаимодействие с электронной системой для «выполнения своих собственных дел, мы изменяем и саму эту систему» [7]. Отсюда вывод о взаимовлиянии социальных и технологических измерений. Выделенная закономерность подтверждается тем, что Интернет как материальная (или технологическая) основа используется «для вовлечения таких движений (виртуальных сообществ – Прим. авт.) в процесс создания нового общества. Однако при этом они видоизменяют сам Интернет: из орудия организации бизнеса и средства коммуникации он превращается также в рычаг общественных преобразований» [7]. Отсюда следует заключение М. Кастельса о том, что инфраструктуру Интернета составляют как телекоммуникационные и компьютерные технологии, так и социальные движения, которые поддерживают его существования посредством реализации различных коммуникативных форм.

В отечественной литературе, так или иначе, затрагивается проблема медиаконвергенции. Так, в конце 1990-х годов появляется статья Е.Л. Вартановой «К чему ведет конвергенция?» [1], в которой она рассуждает о различных проявлениях медиаконвергенции по отношению к системе средств массовой информации. Далее появляются труды М.В. Луканиной, М.И. Макеенко, А. А. Калмыкова, А. Кохановой, А. Г. Качкаевой и др. Приведенные нами работы, являющиеся отнюдь не единственными по данной теме, позволяют продемонстрировать преобладание ключевой тенденции, характеризующие специфику

отечественной научной мысли. Так, исследования медиаконвергенции лежат в русле изучения средств массовой информации, что позволяет говорить о недостаточно раскрытом научно-исследовательском потенциале анализируемого нами вопроса. Более того, многомерность самого понятия «медиаконвергенция» подтверждается тем, какой глубокий смысл вкладывают зарубежные исследователи в этот феномен.

Анализу процессов политической коммуникации в Интернет-пространстве посвятили свои работы М.Н. Грачев, М.С. Вершинин, А.И. Соловьев, Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг и др. Прежде всего в работах перечисленных авторов нас интересовал аспект адаптации органов государственной власти к медиасреде, новым информационным технологиям. Но, как показывают результаты исследований, вовлечение государством в свою деятельность новых форм политической коммуникации сопряжено с определенными трудностями, которые в большей степени отличаются социальным характером. Так, при анализе проблемы организационного сопротивления при переходе к электронному правительству А.Д. Трахтенберг указывает, что новые требования «вызывали противоречивую реакцию даже внутри одной организации: для одних сотрудников этот переход означал увеличение возможностей и приобретение новых, более сложных навыков («upskilling»), для других, напротив, их сужение и примитивизацию («deskilling»). При этом организационное сопротивление порождалось не только недостаточной квалификацией сотрудников и непониманием ими преимуществ новой формы деятельности, а являлось своего рода формой борьбы с технологической экспансией, ведущей к личностной деградации» [5]. В заключении исследователь делает важный, на наш взгляд, вывод: «субъектом изменений является отнюдь не технологии, а организации...» [5].

Таким образом, в данной статье будет предпринята попытка провести всесторонний анализ взаимодействия медиаконвергенции и процессов политической коммуникации в социальном и технологическом измерениях с той целью, чтобы определить перспективы становления новым форм ком-

муникации в сфере политического и определить трудности, этому становлению препятствующие.

Основная часть. Начало 1970-х годов ознаменовалось информационно-технологической революцией планетарного масштаба в результате появления Интернета, телекоммуникационных систем, компьютерных технологий. В настоящее время итог их совместной интеграции находит свое отражение в существовании коммуникационной системы. Ее специфика в том, что она говорит на универсальном цифровом языке, существует в глобальном масштабе и предоставляет каждому возможность производить, хранить и распространять сообщения различного формата, таким образом «создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время» [4].

Описываемое слияние социальных и технологических структур составляют концептуальную основу информационно-коммуникационной парадигмы и информационного общества в целом. М. Кастельс в своем труде [4] изложил их в следующей последовательности.

Первая особенность парадигмы данного типа относится к способности технологии оказывать влияние на информацию, а не наоборот.

Вторая характеристика – всеохватность эффектов технологий, которые формируют процессы человеческой деятельности.

Третья черта состоит в обладании новой информационной технологии сетевой логикой, которая в достаточной степени адаптирована к сложным взаимодействиям и непредсказуемым путям развития.

Четвертая особенность выделяет одно из наиболее важных качеств информационно-технологической парадигмы – гибкость, «...организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. <...> материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [4]. На

наш взгляд, обозначенные аспекты в полной мере находят свое отражение в политическом измерении, а в особенности – в конструировании модели «электронного государства».

Пятая черта – технологическая революция, в которой ключевое место отводится слиянию технологий в высокоинтегрированных системах. Прежде всего, речь идет о технологической медиаконвергенции, одной из характеристик которой является интеграция электронных устройств, мультимедийных услуг и др. В связи с этим остановимся более подробно на рассмотрении специфики технологической медиаконвергенции и возникающих при этом новых социальных форм в сфере политического.

Технологическая медиаконвергенция, являясь результатом интеграции Интернета и новых информационных технологий, представляет собой процесс объединения различных мультимедийных функций (доступ в Интернет, возможность осуществления коммуникаций в социальных сетях и пр.) в границах одного электронного устройства. Иными словами, медиаконвергенция здесь выступает в роли некоего посредника между устройством (компьютер, мобильный телефон и пр.) и тем набором мультимедийных функций, который она соединяет на технологическом носителе и которые позволяют субъекту участвовать в формировании социального контекста и, таким образом, поддерживать инфраструктуру Сети. Однако тот вид медиаконвергенции, который мы наблюдаем сегодня, появился относительно недавно. Начало ее появления связано, на наш взгляд, с тем моментом, когда технологическая система подготовила почву для социальных взаимодействий. Формирование принципиально нового коммуникационного формата в Интернет-пространстве связывают с термином «Web 2.0.», который был предложен в 2005 году Тимом О'Рейли и означает «самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними» [2, с. 42]. До этого существовавшая форма – Web 1.0 – и упомянутыми преимуществами не обладала, поскольку производство и распространение контента было прерогативой малого круга лиц. В этом случае стоит констатировать отсутствие процес-

са медиаконвергенции, который выстраивается сообразно с соответствующими технологическими условиями, позволяющими представителями широкой аудитории воспринять их и вести социальную деятельность.

Экстраполируя ряд выделенных аспектов на сферу политического, заметим, что конвергенция технических средств связи выступила основой для образования новых форм политического выражения, чем в свое время воспользовались пользователи Сети. В результате – на технологической базе были сконструированы такие формы коммуникации как социальные сети, форумы, чаты, блоги и многое другое. Их преимущества состоят в том, что они позволяют: налаживать органам государственной власти обратную связь с аудиторией в режиме реального времени; оперативно удовлетворять информационные потребности граждан; повышать эффективность политической рекламы, политических кампаний и пр.; формировать положительный имидж и репутацию политического актора. Соответственно, обозначенные нами формы являются отличными от предшествующих форм социального взаимодействия, обладают собственной сетевой логикой и возможностью создавать различные коммуникационные эффекты.

Однако поддержанием жизнеспособности этих форм занимаются не столько органы государственной власти, а сколько виртуальные сообщества. Функционируют они, основываясь на двух ценностях: «горизонтальной, свободной коммуникации и возможности каждого найти свое место или создать собственную информацию и опубликовать ее в Интернете, тем самым иницируя появление новой сети. Самопубликация, самоорганизация и самостоятельное построение сетей образуют модель поведения, которая внедряется в Интернет, а затем изменяется из него по всему социальному пространству» [7].

Что касается инициативы самого государства России в данной области, то стоит признать, что оно предпринимает достаточно последовательные шаги. Поскольку перевод государственных услуг в электронный формат является целью как развитых, так и развивающихся стран и относится к одному из приоритетных направлений Организации Объединенных На-

ций [3]. Однако постепенная трансформация функционирующих политических институтов зависит в большей степени не от технологических, а социокультурных контекстов. Об этом, в частности, пишет Е.Г. Дьякова: «Социальные, культурные, политические и пр. контексты влияют на эффективность не только технических решений, но и на всего спектра решений, определяющих формирование новых структур взаимодействия сотрудников органов власти и между собой, и с гражданами». Проанализировав правовую базу, обеспечивающую предоставление государственных услуг в электронном виде, исследователь делает справедливые выводы о том, что данное направления отличается неравномерной траекторией развития. В качестве примера сошлемся на приводимый Е.Г. Дьяковой Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». «Документ начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г., и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» – это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей» [3].

Выводы. Нами был проанализирован процесс взаимодействия медиаконвергенции и политической коммуникации в социальном и технологическом измерении. Было выяснено, что не последнее место в этом обсуждении занимает вопрос политических, социальных, культурных контекстов, в рамках которых осуществляется адаптация государства к тем возможностям, которые предоставляет сегодня мультимедийная среда. Однако технологические возможности медиаконвергенции зачастую слабо коррелируют с социальными возможностями государства, поскольку не последнюю роль играет «устойчивость отечественных ментальных установок, ориентированных на поддержание режима закрытости и непрозрачности принимаемых решений» [3]. Поэтому приспособление государства к политической коммуникации должна осуществляться в рамках преодоления этих установок, т.е. соответствовать логике социальной, а не технологической.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. Вып. 6.
2. Дзялошинский И.М. Коммуникативные матрицы прикладной политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. 2012. С. 42-58.
3. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. №3. Т. 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (дата обращения: 19.04.2015).
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (дата обращения: 15.04.2015).
5. Трахтенберг А.Д. Переход к электронному правительству и проблема организационного сопротивления // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. №11 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-i-problema-organizatsionnogo-soprotivleniya> (дата обращения: 4.05.2015)
6. De Sola Pool I. Technologies of Freedom. Cambridge: Belknap Press; First Edition, 1983. 344 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q-1Mo-3ObWWgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQVardIojdywPK4IDYDQ&ved=0C-BwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (дата обращения: 5.04.2015)
8. McLuhan, Marshall The Gutenberg Galaxy : the making of typographic man. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
9. McLuhan, Marshall (1964). Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.

REFERENCES:

1. Vartanova E.L. What does the Convergence of Mass-media Lead to? // Information society. 1999. Issue 5.
2. Dzyaloshinsky I.M. Communication Matrices of the Applied Political Communication Science // Political communication science: theory, methodology and practice. 2012. Pp. 42-58.
3. Dyakova E.G. Transition to E-government in Russia: The Legal Framework and Social Context // Modern Study of Social Problems (electronic scientific journal), 2011. № 3. vol. 7 [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (date of access: April 19, 2015).
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. M.: Izd-vo Vysshey shkoly ekonomiki, 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (date of access: April 15, 2015).
5. Trachtenberg A.D. The transition to e-government and the problem of organizing the resistance // Modern Study of Social Problems (electronic scientific journal). 2012. № 11 (19). [Electronic resource]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/trakhtenberg.pdf>. (date of access: April 5, 2015).
6. De Sola Pool I. Technologies of Freedom. Cambridge: Belknap Press; First Edition, 1983. 344 p.
7. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001 [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q1Mo-3ObW-WgC&printsec=frontcover&dq=The+Internet+Galaxy&hl=ru&sa=X&ei=ysxQ-VardIojdywPK4IDYDQ&ved=oCBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Internet%20Galaxy&f=false> (date of access: April 5, 2015).
8. McLuhan, Marshall The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
9. McLuhan, Marshall Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.